

Сов. артист, 1986, 14 окт.

На спектаклях Берлинской Государственной оперы

Смотрите музыку, слушайте танец

Эти слова Дж. Баланчина как нельзя точно передают чувства, рождаемые его произведениями.

Можно сожалеть, что знакомство советского зрителя с его искусством мимолетно и ограничено короткими гастрольями его труппы в нашей стране и еще более редким исполнением на наших сценах.

Причин тому немало, и их анализ не относится к теме нашего разговора о встрече с творчеством Дж. Баланчина на вечере одноактных балетов, показанных Немецкой Государственной оперой г. Берлина на сцене Большого театра СССР.

Мы увидели три балета Дж. Баланчина: «Четыре темперамента» П. Хиндемита, «Вальс» М. Равеля и «Симфония до мажор» Ж. Бизе. Их выбор предложил в свое время театру сам Баланчин, как и Бригитту Том в качестве постановщика. Аргументом постановки именно этих произведений, с точки зрения балетмейстера, служила возможность представить его творчество разных лет в один вечер.

Безусловно, для берлинской труппы наличие балетов Дж. Баланчина в репертуаре — большая школа и творческая радость. Но позволим себе заметить, что наше знакомство с труппой могло бы выиграть, если бы был показан ее собственный репертуар. (К примеру, идущий в оригинальной постановке балет «Кармина Бурана» К. Орфа). Мы знаем, что в этом театре идут три балета П. Чайковского, ряд произведений советских хореографов. Театр отличается многообразный репертуар. Но при таком жестком по количеству показе (всего один вечер),

конечно же, больше может сказать авторское произведение театра. Да и восприятие маленьких шедевров Дж. Баланчина тоже было бы ярче в исполнении авторского коллектива. Тем не менее мы благодарны балетной труппе берлинского театра, ее директору Е. Бишоффу, подарившим нам встречу с творчеством, в котором «техника, музыка и воображение призваны поднять танцовщика в легенду».

Начну с наиболее яркого впечатления — балета «Вальс». Изысканная гамма танца, света и цвета рождала чувство осязаемой Красоты. Наверное, возможно говорить о достаточно читаемом сюжете этого балета. Но не надо. Поскольку он не подлежит словесному адаптивированию, разве что в руках поэта, равного по таланту Равелю и Баланчину. Вместе с тем это произведение относится к балетам, где фабула воссоздается не только через настраивание танцемусики, но и через событийный ряд, строго выстроенный драматургически и точно действующий на восприятие. И все же в нем бесконечно много для интимного общения с искусством и собственного ощущения прекрасного каждым смотрящим.

И в этом мире звучащих вальсов жили и главные исполнители — С. Шёрцер, И. Люкас, В. Гинкулов и три грациозно фантастические дамы, и все артисты балета, где ее величество Грация Красоты торжествовала над смертью и конкретностью событий. Но не в целях придирки все

же скажем, что «пластический кордебалет рук» в белых перчатках мог бы быть напевнее и стилистически точнее — это так важно для всей партитуры Дж. Баланчина.

Труднее и технически, и стилистически для немецких артистов «Симфония до мажор» Ж. Бизе. Из двух вариантов этого балета выбран «белый». Чистота белых пачек как бы подчеркивает хрустальный блеск бесконечного гранения танцевального языка хореографии. Но он же выдвигает требование блестящего и виртуозного, до незаметности техники, танца. Лю-

бая, «задетая по соседству нота», любой стилистически не прочитанный нюанс, а тем более ритмическая потеря — зримо ощутимы. А они были, и особенно в аллегро, где бисер движений нанизывается в инструментальном ведении тем группами и солистами в единое звучание всепобеждающего оптимизма танцемусики.

«Четыре темперамента» П. Хиндемита отличает заостренная современность решения. Графика как художественный прием задана и хореографией, и тренировочным стилем черно-белых костюмов исполнителей. Здесь,

видимо, надо прежде всего сказать об оркестре театра, его музыкантах, солисте (Ю. Шрёдер) и дирижере (Г. Банер). Исполнительская культура, манера прочтения авторского стиля и тактичность сопровождения хореографического произведения достойны самых высоких похвал, а, возможно, и отдельного музыкаведческого анализа. Нам бы хотелось столь же лестные слова отнести и к музыкальности артистов балета, но, увы, это пока ступень, требующая покорения.

Танец отдельных артистов (С. Шёрцер, О. Матц, В. Гинкулов) достоин похвалы. А в целом хотелось бы поднять несколько приземленную пластику классического танца артистов вверх и в прямом (вытянутость торса над ногами, облегчающая зрительное восприятие техники), и в переносном смысле. Поющая музыку невесомость блистательного танца — путь к Дж. Баланчину, к постижению поэзии его звучащей пластики человеческого тела.

Труппа Берлинского театра ныне очень молода. В ней такие обещающие артисты, как С. Шёрцер, О. Матц, И. Люкас, и, безусловно, постижение тайн прекрасного в творчестве Дж. Баланчина ими только начато.

И наш зритель искренне пожелал им в этот вечер дерзаний в познании вечного танца, доброго пути в солнечный Казахстан и новых встреч.

В. УРАЛЬСКАЯ,
кандидат философских наук.

На снимке: сцена из балета Дж. Баланчина «Симфония до мажор» на музыку Ж. Бизе.
Фото Л. Педенчук.